

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Сапрыкин Михаил Евгеньевич

**Творческая позиция
Всеволода Некрасова в 1950-е – 2000-е гг.**

Специальность

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва — 2025

Диссертация подготовлена на кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова.

Научный руководитель –

*Зыкова Галина Владимировна
доктор филологических наук, доцент*

Официальные оппоненты –

*Солдаткина Янина Викторовна,
доктор филологических наук, профессор,
Московский педагогический государственный
университет, институт филологии,
кафедра русской литературы XX–XXI веков,
профессор*

*Коржова Инесса Николаевна,
доктор филологических наук,
Автономная некоммерческая организация высшего
образования «Московский университет
„Синергия“», кафедра отечественной и
зарубежной литературы, профессор*

*Полилова Вера Сергеевна,
кандидат филологических наук,
Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова, филологический
факультет, кафедра истории зарубежной
литературы, старший научный сотрудник*

Защита диссертации состоится **«12» февраля 2026 года в 16 часов 00 минут** на заседании диссертационного совета МГУ.059.2 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 1-й учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет

E-mail: sovet@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В.Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3696>

Автореферат разослан «27» декабря 2025 года.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук

О.С. Октябрьская

Общая характеристика работы

Среди многочисленных феноменов неофициальной литературы отдельного изучения заслуживает творчество выдающегося поэта Всеволода Николаевича Некрасова (1934–2009). Настоящее диссертационное исследование посвящено определению и исследованию этапов, закономерностей и специфики творческой позиции поэта, творческая биография которого насчитывает полувековой путь: с середины 1950-х гг. до конца 2000-х гг.

Объектом исследования является творческая позиция Некрасова. Под «творческой позицией» понимается совокупность личных эстетических концепций поэта, нашедших отражение в конкретных — как поэтических, так и прозаических — литературных произведениях.

Предметом исследования выступают социокультурные контексты, обусловившие формирование или развитие творческой позиции поэта, закономерности, в соответствии с которыми формировался творческий путь автора, а также индивидуальные черты поэтики Некрасова.

Материал исследования — как прижизненные публикации Некрасова¹ (в том числе и в сети «Интернет»²), так и посмертные издания³. Важным источником является архив Некрасова, передаваемый в РГАЛИ (ф. 3545).

Хронологическими рамками исследования являются 1950-е – 2000-е гг., на протяжении которых Всеволод Некрасов продолжал активную творческую деятельность.

Актуальность данного исследования прямо пропорциональна той роли,

¹ Некрасов Вс.Н. Стихи из журнала. М.: Прометей, 1989; он же. Справка. М.: Постскриптум, 1991; Некрасов Вс.Н., Журавлева А.И. Пакет. М.: Меридиан, 1996; Некрасов Вс.Н. Дойче Бух. М.: Век XX и мир, 1998; он же. Лианозово. М.: Век XX и мир, 1998; он же. Стихотворения. Новосибирск: Артель «Напрасный труд», 2002; он же. Живу вижу. М.: Крокин-Галерея, 2002; он же. Детский случай. М.: Три Квадрата, 2008.

² Интернет-публикации Некрасова размещались на персональном сайте его друга А.Ш. Левина: Всеволод Некрасов // Друзья и знакомые Кролика. Без даты. URL: <https://frkr.ru/FRIENDS/NEKRASOV/index.html> (дата обращения 17.11.2024), а также на ныне не функционирующем интернет-портале «Русский журнал». Подробнее о публикациях в последнем см.: Пенская Е.Н. Всеволод Некрасов, «Русский журнал» (www.russ.ru) и не только // «Живем словом». С. 577–620.

³ Некрасов Вс.Н. Казань реально // Знамя. 2009. № 9. С. 149–163; Некрасов Вс.Н. Стихи 1956–1983. Вологда: Библиотека московского концептуализма Германа Титова, 2012; Некрасов Вс.Н. Авторский самиздат (1961–1976). М.: Совпадение, 2013; Некрасов Вс.Н. Самара (слайд программа) и другие стихи о городах. Самара: Цирк «Олимп», 2013; Некрасов Вс.Н. Из наследия // Знамя. 2018. № 8. С. 114–117. Некрасов Вс.Н. Неопубликованные стихи... // Знамя. 2019. № 1. С. 121–125.

которую Некрасов играл в русской литературе на протяжении пяти десятилетий, оставаясь все эти годы ключевой фигурой литературного процесса. Проследив генезис творческой позиции поэта и проанализировав те изменения, которые неизбежно должны были происходить на протяжении полувековой активной творческой практики, мы сможем не только глубже понять творческое наследие самого Некрасова, но и в более широкой перспективе усложнить привычную картину неподцензурной литературы второй половины XX века.

Степень разработанности темы данного исследования обусловлена актуальностью творчества Некрасова в истории русской литературы второй половины XX века. Авторами первых работ о Некрасове в 1970–1980-е гг.⁴ были в основном иностранные слависты; работы на русском языке по цензурным причинам публиковались в те годы в сам– и тамиздате. Исследования тех лет чаще всего строились на выявлении и анализе формальных особенностей поэзии Некрасова. В пионерских работах о Некрасове были впервые исследованы такие приемы Некрасова как лексический повтор (Л. Уйвари) и паронимическая аттракция (Дж. Янечек); отмечались интонационная оркестровка текстов (Э. Лимонов, Г. Витте и С. Хэнсген), минимализм (Г. Витте и С. Хэнсген, Р. Герловина и В. Герловин, Дж. Янечек) и визуальность (Дж. Янечек), противопоставление советских языковых формул и живой речи лирического субъекта (Л. Уйвари, Г. Витте и С. Хэнсген). Особенно интересно, что первые исследователи говорят и о значимости темы природы (Л. Уйвари, Э. Лимонов) и лиризме (Г. Витте и С. Хэнсген).

В 1990-е гг., с началом официальной публикации неподцензурных текстов и появлением возможности их академического изучения, начинается новый этап в истории исследований неофициальной литературы. В первую очередь

⁴ Ujváry L. Inoffizielle sowjetische Dichtung: Eine Einführung // Freiheit ist Freiheit: Inoffizielle sowjetische Lyrik. Zürich: Arche Verlag, 1975. S. 9–15; Грайс Б.Е. Поэзия, культура и смерть в городе Москва // Ранние тексты. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. С. 107–125; Карлинский В. Дела домашние // Третья волна (Париж). 1979. № 6. С. 208–214; Лимонов Э.В. Всеволод Некрасов // Kuzminsky K.K., Kovalev G. The Blue Lagoon Anthology of Modern Russian Poetry. Vol. 1. Newtonville, 1980. P. 441–442; Hirt G. Wonders S. Vorwort // Kulturpalast: neue Moskauer Poesie & Aktionskunst. Wuppertal, 1984. S. 7–18; Gerlovin R., Gerlovin V. Samizdat Art // Russian Samizdat Art / Ed. Charles Doria. N. Y., 1986. P. 113–116; Эпштейн М.Н. Концепты... Метаболы... О новых течениях в поэзии // Октябрь. 1988. № 4. С. 194–203; Janecek G. Vsevolod Nekrasov, Master Paronymist // Slavic and East European Journal. 1989. No. 2 (33). P. 275–292.

изменения были продиктованы тем, как изменился тип исследователей неподцензурной литературы: несмотря на то, что в 1990–2000-е гг. действующие поэты продолжали научные и критические изыскания в области неофициальной литературы⁵, многие работы на этом этапе создавались уже профессиональными литературоведами⁶, которые следовали определённым трендам в гуманитарных науках 1990–2000-х гг. В эти десятилетия предпочтение отдавалось обобщающим работам, в которых анализировались магистральные тенденции неофициального литературного процесса. В некоторых исследованиях творчества Некрасова 1990–2000-х гг. можно обнаружить следы описанного выше подхода. В тех работах, в которых творчество поэта рассматривалось в контексте европейского и русского конкретизма⁷, отмечалось использование неэстетизированного, повседневного слова и эксперименты с графикой текста. В тех же работах, в которых фигура Некрасов рассматривалась как часть московского концептуалистского круга⁸, отмечалось его обращение к вербальным клише советского языка, которые становятся объектом деконструкции. Кроме того, творчество Некрасова зачастую рассматривалось и как пример минимализма в литературе⁹. Наш беглый анализ показывает, что исследователям тех лет не было свойственно наклеивать один ярлык на творчество Некрасова, и многие авторы в рамках одной работы отмечали разные

⁵ Айзенберг М.Н. Взгляд на свободного художника. М.: Гендалльф, 1997; одну из первых диссертаций о творчестве Д.А. Пригова написал поэт-метареалист А.М. Парщиков.

⁶ Кулаков В.Г. Поэзия как факт. М.: Новое литературное обозрение, 1999; Эпштейн М.Н. Постмодерн в России: литература и теория. М.: Изд. Р. Элинина, 2000; Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2001; Савицкий С.А. Андеграунд: история и мифы ленинградской неофициальной культуры; Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Русская литература 1950–1990-х годов. В 2 Т. М.: Академия, 2003; Липовецкий М.Н. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

⁷ Hirt G. Wonders S. Vorwort // Lianosowo: Gedichte und Bilder aus Moskau. München, 1992. S. 7–26; Айзенберг М.Н. Взгляд на свободного художника. С. 110–122; Кулаков В.Г. Поэзия как факт. С. 11–34.

⁸ Янечек Дж. Теория и практика концептуализма у Всеволода Некрасова // Новое литературное обозрение. 1993. № 5. С. 196–201; Айзенберг М.Н. Взгляд на свободного художника. С. 38–109; Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. С. 197–202; Берг М.Ю. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 101–105; Янечек Дж. Всеволод Некрасов и русский литературный концептуализм // Новое литературное обозрение. 2009. № 99. С. 201–209.

⁹ Janecek G. Minimalism in Contemporary Russian Poetry: Vsevolod Nekrasov and Others // The Slavonic and East European Review. 1992. № 3. P. 401–419; Кулаков В.Г. Поэзия как факт. С. 300–302; Machoninova A. Mlčení minimalistických básníků Vsevoloda Někrasova a Germana Lukomníkova // Svět literatury. 2006. № 34. S. 175–191; Степанов А.Д. Минимализм как коммуникативный парадокс // Новый филологический вестник. 2008. № 2 (7). С. 5–28; Витте Г., Хэнсген С. Поэтические записки о Всеволоде Некрасове // Новое литературное обозрение. 2009. № 5. С. 195–200.

асpekты художественной практики поэта. Многие суждения из этих работ кажутся нам верными и справедливыми, и в нашем исследовании мы будем опираться на наблюдения предшественников.

В 2010–2020-е гг. можно наблюдать отказ исследователей от обобщающих работ и описания истории неподцензурной литературы через коллективную идентичность¹⁰. Вместо этого фокус внимания исследователей чаще оказывается сконцентрирован на авторах, чьи индивидуальные творческие пути рассматривается в контексте всей русской литературы второй половины XX века¹¹. Исследования поэзии Некрасова 2010–2020-х гг. двигаются в том же направлении: в них намного реже предпринимается попытка анализировать творчество Некрасова как часть какой-либо коллективной идентичности и намного чаще ставятся более конкретные задачи исторического, текстологического и литературоведческого характера. Во многом это стало возможно благодаря активной деятельности наследников Некрасова: после смерти поэта в 2009 году усилиями Г.В. Зыковой и Е.Н. Пенской (учениц супруги Некрасова А.И. Журавлевой), а также поэта М.А. Сухотина было подготовлено и выпущено несколько изданий, представляющих полувековой творческий путь поэта¹²; на сайте НИУ ВШЭ¹³ при активном участии филолога М. Дорогова создана и пополняется электронная версия архива поэта. Это позволяет расширить контекст, в котором определялась и реализовывалась творческая позиция поэта, сформулировать более взвешенные и сложные литературоведческие концепции, заполнить лакуны при попытке реконструкции

¹⁰ Более того, само понятие литературной группы и возможности ее существования как эстетического единства ставится под вопрос. Давыдов Д.М. Концепция литературной группы в эпоху ее невозможности // *Toronto Slavic Quarterly*. 2017. № 61. Р. 46–57.

¹¹ Скоропанова И.С. Стихи-диссиденты Всеялода Некрасова. Минск: ИВЦ Минфина, 2020; Восемь великих / отв. Ред. Ю.Б. Орлицкий. М.: РГГУ, 2022; Липовецкий М.Н., Кукулин И.В. Партизанский логос: Проект Дмитрия Александровича Пригова. М.: Новое литературное обозрение, 2022; Ленинградская неподцензурная литература / Сост. и ред. Ю.М. Валиева и Ю.Б. Орлицкий. СПб.: Rugram_Пальмира, 2022.

¹² Некрасов Вс.Н. Казань реально // Знамя. 2009. № 9. С 149–163; Некрасов Вс.Н. Стихи 1956–1983. Вологда: Б-ка моск. концептуализма Германа Титова, 2012; Некрасов Вс.Н. Авторский самиздат (1961–1976). М.: Совпадение, 2013; Некрасов Вс.Н. Самара (слайд программа) и другие стихи о городах. Самара: Цирк «Олимп», 2013. Некрасов Вс.Н. Из наследия // Знамя. 2018. № 8. С. 114–117. Некрасов Вс.Н. Неопубликованные стихи... // Знамя. 2019. № 1. С. 121–125.

¹³ Проект «Всеялод Некрасов. Литературный архив». URL: <https://philology.hse.ru/vnekrasov-archive/> (дата актуализации: 16.08.2025).

творческого пути автора.

Цели нашего исследования можно определить следующим образом:

- 1) рассмотреть творчество Некрасова не как частный случай реализации эстетических установок того или иного литературного сообщества (Лианозовской группы или московских концептуалистов), но как в целом автономное явление, внесшее свой вклад в гетерогенную художественную идентичность названных объединений;
- 2) определить основные вехи на пути эволюции творческой позиции Некрасова и особенности каждого из этапов.

Исходя из описанных выше общих целей исследования, можно следующим образом сформулировать конкретные **задачи**:

- 1) выявить особенности творческой позиции Некрасова на основе анализа корпуса поэтических текстов 1950–2000-х гг.;
- 2) определить те изменения, которые происходили в поэзии Некрасова на диахронном уровне;
- 3) выявить сходство и, что более важно, отличия между творческой позицией Некрасова и художественными практиками различных неофициальных литературных сообществ, в деятельности которых поэт принимал активное участие (в первую очередь Лианозовской группы и круга московских концептуалистов);
- 4) установить тесную взаимосвязь между многочисленными и разнообразными теоретическими текстами Некрасова и его творческой практикой.

Научную новизну исследования мы видим в следующем:

- 1) выявлены не отмечавшиеся ранее как магистральные, так и второстепенные особенности творческой позиции Некрасова на основе анализа как опубликованных, так и неопубликованных поэтических текстов поэта;
- 2) определены и обоснованы три основных этапа творческого пути Некрасова;
- 3) доказано как наличие точек сближения, так и существование

значимых отличий между поэзией Некрасова и творчеством близких ему в эстетическом плане поэтов (Г.В. Сапгир, И.С. Холин, Я. Сатуновский, Д.А. Пригов, Л.С. Рубинштейн и др.);

4) продемонстрировано, что теоретические представления Некрасова об актуальности прагматического аспекта художественных текстов нашли непосредственное отражение в его поэтическом творчестве;

5) введены в научный оборот многочисленные не публиковавшиеся материалы: в первую очередь, неопубликованные теоретические статьи 1970–1980-х гг., а также ряд текстов 1990–2000-х гг. полемического характера;

6) предложен новый взгляд на полемические произведения Некрасова 1990–2000-х гг., которые воспринимались им как важная составляющая часть его творчества¹⁴.

Теоретическая значимость исследования заключается в следующих аспектах:

1) работа предлагает один из вариантов реализации литературной прагматики в качестве методологической оптики, позволяющей отметить ранее не анализировавшиеся особенности творчества Некрасова;

2) предложенная в исследовании теоретическая концепция демонстрирует актуальность метаязыковой рефлексии в творчестве поэтов неофициальной литературы второй половины XX века;

3) на примере поэзии Некрасова доказывается более сложное устройство отношений между официальной и неофициальной литературой второй половины XX века: вместо бинарного противопоставления предлагается точка зрения, согласно которой официальный и неофициальный литературный процесс сосуществовали в сложной (порой противоречивой) связи друг с другом;

4) утверждается представление о неофициальной литературе как о гетерогенном пространстве, в рамках которого индивидуальные

¹⁴ В отзыве на магистерскую диссертацию, выполненную автором данного исследования, ныне профессор МГУ и д.ф.н. М.С. Макеев, готовивший в 1990-е гг. верстку книги Некрасова «Пакет», писал: «В частности, книга “Пакет”, по нашим собственным наблюдениям, создавалась и воспринималась автором как целостное “произведение”, со сложной для читателя, но ясной для автора композицией, со сквозными элементами, с точно рассчитанным соотношением между стихами и прозой, статьями и примечаниями к ним».

художественные миры авторов формируют коллективную идентичность литературных сообществ, а не наоборот.

Практическая значимость исследования заключается, во-первых, в возможности адаптации полученных результатов для составления лекционных курсов и семинарских занятий по теме диссертационного исследования, а во-вторых, в выработке подходов к комментированию будущих изданий Некрасова, в том числе избранных текстов 1980–2000-х гг.

Методологической основой исследования является литературная прагматика. Данная методология призывает рассматривать текст не только как знаковое средство, обозначающее какой-либо денотат, но и как речевой акт, осуществление которого совершают какое-либо действие. Другими словами, литературная прагматика рассматривает художественные тексты как перформативы¹⁵. Такой взгляд обусловил разнонаправленность теоретического подхода: если текст является высказыванием и, следовательно, действием, то он обладает определённой иллокутивной силой и интенцией. Однако в то же время всякое высказывание создано в контексте, который определяет и обуславливает как структуру высказывания, так и его успешность или неуспешность. Следовательно, художественный текст не может быть проанализирован вне чрезвычайно разнообразного и широкого социокультурного контекста. Таким образом, литературная прагматика открыта к изучению и контекстов (исторических, социальных, индивидуально-творческих и т.д.), опосредующих акт литературного высказывания, и внутренних дискурсивных структур.

Понимая широту этого методологического поля и, следовательно, невозможность охватить все возможные разделы методологического подхода в рамках одного исследования, мы должны сузить круг рассматриваемых вопросов. Разделяя общий взгляд исследователей на художественный текст как на акт коммуникации, мы одновременно с этим:

¹⁵ Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. / Пер. с нем. С. Ташкенова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 122–169.

- 1) уделяем большее внимание текстам Некрасова, а не контекстам, которые их окружают и опосредуют их функционирование как актов высказывания,
- 2) исследуем прежде всего авторскую интенцию, а не читательскую рецепцию;
- 3) определяем связь между структурой художественных текстов и их иллоктивным актом;
- 4) выявляем и описываем те виды перлоктивных актов, которые осуществляются посредством создания литературных текстов.

Для исследования творчества Некрасова такая методология представляется особенно подходящей потому, что начиная с 1970-х гг. поэт активно осмыслил прагматическое измерение как своего творчества, так и литературы в целом, хотя сам термин «прагматика» не употреблял.

На защиту выносятся следующие положения:

- 1) Отличительной особенностью творческой позиции Некрасова является актуализация и творческая разработка прагматического аспекта художественного текста. Внимание к прагматике художественного произведения сформировалось в поэзии Некрасова в 1960-е гг. и не теряло своей актуальности до 2000-х гг. Фоника, графика, обращение к чужому слову и другие особенности поэзии Некрасова оказываются так или иначе связаны с прагматикой художественных текстов.
- 2) Изменения творческой позиции Некрасова на протяжении его творческой биографии касаются в первую очередь прагматического аспекта, что позволяет выделить три основных периода в его творчестве: начало творческих поисков 1950–1960-х гг., теоретическая обоснование и практическая разработка нового типа прагматики в 1970–1980-е гг. и радикальное усиление полемического аспекта на прагматическом уровне как поэтических, так и прозаических текстов 1990–2000-х гг.
- 3) Вхождение Некрасова в круг Лианозовской группы в конце 1950-х гг. стало возможным благодаря общему для поэтов этого объединения

аналитическому отношению к языку. Однако в отличие от Е.Л. Кропивницкого, И.С. Холина и Г.В. Сапгира в поэзии Некрасова метаязыковая рефлексия привела к актуализации прагматики художественных текстов, что сблизило Некрасова с кругом концептуалистов в 1970-е гг. Помимо внимания к прагматическому аспекту, Некрасова с авторами круга московского концептуализма роднит обращение к вербальным реди-мейдам повседневного или советско-бюрократического языка и некоторые другие литературные приемы. Однако перформативный жест, осуществляемый в поэзии Некрасова, направлен не на деконструкцию слова, как, например, в творчестве Д.А. Пригова, а на реактуализацию его творческого потенциала.

4) Теоретические тексты, над которыми Некрасов активно работал с рубежа 1960–1970-х гг. до конца 2000-х гг. являются важной частью его творческого наследия, углубляющей понимание его художественного творчества. В таких теоретических текстах Некрасова, как «Объяснительная записка», «Концепт как авангард авангарда», «Фикция как искусство, но не искусство как фикция...», а также в ряде других произведений подробно разрабатывается теоретическая модель искусства в понимании Некрасова, что нашло отражение и в конкретных художественных текстах поэта. Кроме того, полемические тексты Некрасова 1990–2000-х гг. как на уровне конкретных художественных приемов, так и на уровне интенции оказываются сближены с художественными текстами: полемические тексты этих лет направлены на радикальную трансформацию социокультурного пространства постсоветской России.

Степень достоверности положений и выводов диссертационного исследования обусловлена анализом объемного корпуса произведений Вс.Н. Некрасова, Я. Сатуновского, Д.А. Пригова и других авторов.

Апробация работы. Диссертация была подготовлена на кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова.

Основные результаты работы были апробированы в 4 публикациях (в том

числе в 4 изданиях, определенных Положением о присуждении ученых степеней в МГУ имени М.В.Ломоносова).

По теме диссертации было прочитаны доклады на шести научных конференциях:

1) XXVII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», секция «Филология» (тема доклада: Теоретические тексты Вс.Н. Некрасова: происхождение и значение) (20 ноября 2020, МГУ)

2) Всероссийская научная конференция с международным участием «XVII Сапгировские чтения» — «Восемь великих» (тема доклада: «Концепт “фактичности” в дискурсе и творчестве Вс.Н. Некрасова») (21 ноября 2020, РГГУ).

3) Вторая международная конференция молодых исследователей «Текст как DATA: рукопись в цифровом пространстве» (тема доклада: «Рукопись в формате doc: текстологические проблемы в компьютерную эпоху на примере некоторых неопубликованных статей Вс.Н. Некрасова») (25 мая 2021, НИУ ВШЭ)

4) Международная научная конференция «“Оттепель” как феномен» (тема доклада: «Отражение эпохи оттепели в творчестве Всеволода Некрасова») (16 мая 2024, НИУ ВШЭ)

5) Всероссийская научная конференция «Заголовочно-финальный комплекс (ЗФК) в радикальных художественных практиках» (тема доклада: «Жанровое заглавие в поэзии минимализма: своеобразие “Элегии” Всеволода Некрасова») (21 марта 2025, РГГУ)

6) Международная научная конференция «Ленинградская “вторая культура” в официальном и неофициальном поле» (тема доклада: «Стихи Вс.Н. Некрасова в ленинградском журнале “37” как пример авторской версии концептуализма») (28 апреля 2025, ИМЛИ РАН (Пушкинский дом)).

Структура работы включает в себя введение, три главы, заключение, список источников и научной литературы. Общий объем работы — 200 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обоснована актуальность темы, определены предмет и методы исследования, сформулированы затронутые в нем проблемы, кратко изложена история их изучения, а также сформулирован методологический подход к изучению творческой позиции Вс.Н. Некрасова.

В первой главе, «**От текста-утверждения к тексту-действию: поэзия Некрасова 1950–1960-х гг.**», анализируется изменение творческой манеры Некрасова от ранних текстов второй половины 1950-х гг. до авангардных произведений второй половины 1960-х гг.

В параграфе 1.1, «**Лирическое и аналитическое начало в поэзии Вс.Н. Некрасова второй половины 1950-х гг.**», анализируется состав машинописного сборника «Ерунда сует» (1959) и делается вывод о сочетании двух основополагающих начал в творческом сознании Некрасова 1950-х гг.: лирического, то есть стремления к выражению субъектной картины мира, и аналитического, выраженного в интересе к пародии.

В параграфе 1.2, «**Поэзия Вс.Н. Некрасова первой половины 1960-х гг. в контексте творческих практик Лянозовской группы**», проводится сравнительный анализ машинописных сборников «Ерунда сует», «Слово за слово» (1961) и «Новые стихи Севы Некрасова» (1965). Аналитическое начало в этот период оказывается более значимым, что выразилось в конкретистских опытах, отчасти обусловленных творческой практикой лианозовцев. Некрасов тематизирует и проблематизирует процесс превращения чужеродного материала в освоенную речь, и именно этот процесс освоения речи является главным «сюжетом» его стихов. Характерное для лианозовцев неприятие всякого «опоэтизированного» языка поддержало свойственный Некрасову и ранее интерес к повседневному слову, которое, с точки зрения поэта, оказывается столь же доступным для творческой практики, как и слово «олитературенное», «необыкновенное», громкое.

В параграфе 1.3, «**Формальные особенности поэзии Вс.Н. Некрасова**

второй половины 1960-х гг.», анализируется ряд приемов, которые обуславливаются новым пониманием творческого слова: остранение (в параграфе 1.3.1, «**Лексический повтор как катализатор экспериментов с фоникой**»), два типа графических экспериментов, различающихся своей функциональностью (в параграфе 1.3.2, «**Графические приемы**»), характер и смысл обращения к использованию чужого слова в рамках собственных текстов (в параграфе 1.3.3, «**Функции чужого слова**»).

Во второй главе, «**Прагматика экологии: поэзия Некрасова 1970–1980-х гг.**», рассматривается новый этап в творчестве поэта, переходящего к иному пониманию художественного произведения, что отразилось и в теоретических текстах автора. В эти годы главным аспектом художественного произведения для Некрасова становится прагматика, то есть общие стратегии и конкретные тактики воздействия на читателя при помощи языковых средств.

В параграфе 2.1, «**Прагматический аспект в поэзии Некрасова 1970–1980-х гг.**», поэтические тексты рассматриваются сквозь призму теории речевых актов и при помощи центральных для этой дисциплины терминов. Иллокутивный акт, то есть акт целеполагания в рамках высказывания, выявляется в поэтической практике Некрасова и определяется как стремление трансформировать языковое пространство. Перлокутивный акт, то есть воздействие на участников речевой коммуникации, также оказывается возможным выявить как значимую часть творческого проекта Некрасова, что позволяет отметить ранее не анализировавшиеся особенности его творчества.

В параграфе 2.1.1, «“**Экология прагматики**”: прагматический аспект поэзии Некрасова и жизнестроительство авангарда», анализируется различие между тем, как Некрасов понимал прагматику собственных произведений, и тем, какую роль этот аспект играл в концепции жизнестроительства авангарда. Некрасов сохраняет свойственное еще авангарду стремление совершать действия при помощи слов, но вместо утверждения нового порядка вещей предполагается ситуация свободного диалога, отказ от иерархических отношений между автором и читателем.

В параграфе 2.1.2, «“Прагматика экологии”: специфика иллоктивного акта поэзии Некрасова в контексте творческих практик московского концептуализма», анализируется различие между тем, какое действие осуществляется на уровне иллокуции в произведениях московских концептуалистов и в произведениях Некрасова. Сопоставляя поэзию Некрасова и Д.А. Пригова, мы делаем вывод о том, что прагматика художественного акта Некрасова направлена не только (и не столько) на деконструкцию советских речевых формул или советских типов сознания, но и на переработку речи, а также на ее возвращение всякому участнику коммуникации в качестве потенциального поля для творчества. Это вера в возможность раскрытия творческого потенциала всякого слова и определяемое этой верой стремление преобразить потенциально каждое слово мы бы хотели назвать «прагматикой экологии». По мнению поэта, по-настоящему свободное искусство возможно только при снятии жестких социальных границ, разделяющих единый литературный процесс на оппозиции русское / западное, официальное / неофициальное, концептуалистское / традиционное и т.д.

В параграфе 2.1.3, «Перлоктивный акт в творческой концепции Некрасова», анализируется еще одно важное отличие поэзии Некрасова от творческих практик московских концептуалистов. Для авторов этого круга в большей степени было характерно недоверие к публичному слову, которое, как они предполагали, потенциально содержало в себе авторитарные пресуппозиции и интенции, пронизывающие тот или иной тип дискурса. Если Д.А. Пригов «исходил из того, что любой язык может стать советской властью», то творческая позиция Некрасова в этом аспекте оказывается противоположной: в отличие от Пригова Некрасов верит в слово и верит в возможность этого слова звучать в чужой речи. Искусство для него является не столько полем деконструкции различных дискурсов, но и точкой встречи и объединения автора и воспринимающего. Перлоктивный акт поэзии Некрасова направлен на актуализацию именно этой возможности.

В параграфе 2.2, «Поэтика Некрасова 1970–1980-х гг.», было

проанализировано, как изменилась конкретная творческая практика Некрасова на новом этапе бытования неофициального искусства, когда прагматический аспект художественного текста оказывается в фокусе внимания автора. В это время Некрасов, с одной стороны, продолжает использовать те творческие приемы, которые были выработаны им еще в 1950–1960-е гг; с другой стороны, можно отметить углубление и расширение прежних творческих практик под влиянием выработанного и теоретически сформулированного Некрасовым прагматического понимания искусства.

В параграфе 2.2.1, «**Внутренняя речь как источник поэтического**», объектом анализа является структурное сходство поэзии Некрасова с внутренней речью. Опираясь на определение внутренней речи, данное Л.С. Выготским, мы отмечаем общие формальные особенности внутренней речи, а затем сопоставляем поэтические техники Некрасова и Я. Сатуновского. Отмечается обилие дискурсивных маркеров и дейктических единиц в поэтической ткани произведений Некрасова, а также то, что их функция заключается в представлении внутренней речи как пространства возможного поэтического высказывания. Подобно тому, как незаполненное пространство листа, не обозначающее ничего, подразумевает саму возможность поэзии, пустые знаки-индексы в текстах Некрасова указывают на возможность нового слова. Элементарные по своей форме, дискурсивные маркеры и дейктические единицы легко заполняют большую часть текстового пространства, однако это есть не результат редукции законченной речи до этих частиц, но, напротив, ее начало.

В параграфе 2.2.2, «**Фоника в поэзии Некрасова 1970–1980-х гг.**», показано, что многочисленные фонетические приемы (аллитерации, ассонансы, паронимические аттракции и др.) не только выступают в качестве маркера подчёркнуто поэтической речи, но и отмечают некоторые особенности художественного мировосприятия. Чаще всего фонетические приемы в поэзии Некрасова указывают на неочевидную, но тем не менее присутствующую связь между словами. Подкрепляя анализ художественных текстов обращением к личным высказываниям Некрасова в ряде интервью, мы отмечаем такую черту

его творческого мировоззрения, как представление о взаимосвязанности и взаимопроницаемости как слов, так и явлений в мире. С другой стороны, фоника используется и как метод деконструкции: в полемических текстах ассоансы, аллитерации, внутренние рифмы и паронимические аттракции использовались для выявления скрытых пресуппозиций и импликатур (чаще всего в дискурсе власти).

Параграф 2.2.3, «Чужое слово в поэзии Некрасова 1970–1980-х гг.», демонстрирует три типа чужого слова: 1) цитаты из текстов близких Некрасову поэтов и порой художников (Я. Сатуновского, М.Е. Соковнина, Э.В. Булатова и др.); 2) цитаты из текстов, которые воспринимаются Некрасовым критически (А.А. Вознесенского, Б.А. Ахмадулиной, А.А. Блока и др.); 3) элементы официального дискурса. Первый тип чужого слова функционирует по тому же принципу, по которому, согласно Некрасову, функционирует лирика, которая понимается Некрасовым чуть более широко, чем фиксация субъектных сиюминутных впечатлений, а именно как «совпадение речи читателя и автора со всеми-всеми колебаниями и обертонами»¹⁶. Второй тип чужого слова включается в фоническую систему текста и «обрастает» многочисленными созвучиями, рифмами и паронимическими аттракциями, которые выражают оценку поэта и становятся способом деконструкции. Третий тип чужого слова функционирует иначе, чем в творчестве Д.А. Пригова, который также обращался к общеупотребительным формулам советского языка. Воспроизводя речевые и, следовательно, культурные штампы советского, Пригов стремится деконструировать не только его образы, но и саму грамматику этого мышления. Проект Некрасова, который мы определили как «прагматику экологии», строится, во-первых, на доверии слову, а во-вторых, на стремлении не разрушить, но исцелить речь. Официозная речь в художественном мире Некрасова тоже клиширована и бесплодна, однако ей противопоставлена речь живая, которую и стремится найти поэт в ежедневной речевой практике. Пригов стремится к деконструкции не только языка, но и форм сознания, которые этот

¹⁶ Некрасов Вс.Н. Блат // Журавлева А.И., Некрасов Вс.Н. Пакет. М.: Меридиан, 1996. С. 583.

язык обслуживает; Некрасов не ставит перед собой столь амбициозных задач, работая в «пространстве речи».

В третьей главе, «**Творчество Некрасова 1990–2000-х гг.: pragmatika нетерпимости**», в фокусе внимания оказывается новое по своей сути культурное положение поэта, чья социальная и эстетическая позиция оказались резко полярными по отношению к сложившимся в 1990–2000-е гг. культурным иерархиям и институциям.

В параграфе 3.1, «**Прагматический аспект полемических текстов Некрасова 1990–2000-х гг.**», анализируются причины резкого изменения личного отношения Некрасова к бывшим соратникам из среды неофициального искусства. Некрасов, как известно, упрекал прессу и профессиональное сообщество в замалчивании его поэзии, а также живописи близких ему художников Лянозовской группы и творчества Э.В. Булатова и О.В. Васильева; с неодобрением отмечал рост влиятельности теоретиков, ставящих концепции выше конкретных художественных практик и тем самым сводящих сложность искусства к понятным и удобным схемам; говорил о верхоглядстве критиков и литературоведов, которые не знают истории неофициальной литературы и не стремятся в ней разобраться; о проявившемся в новых исторических обстоятельствах конформизме деятелей неподцензурного искусства, предпочитающих преумножать свой символический и финансовый капитал, сотрудничая с бывшими оппонентами, например, с толстыми литературными журналами; о «блате», как Некрасов называет систему социальных контактов, когда она ставится выше этических принципов. Мы анализируем цель постоянных и часто тавтологичных обвинений, которыми были наполнены полемические тексты Некрасова в это время. Последовательная и жесткая критика конформизма была призвана обнажить очевидное и драматичное для Некрасова сходство между советской и постсоветской культурой, дискредитировать фигуры посредников между художником и публикой, приближая осуществление идеала институциональных отношений, построенных исключительно на горизонтальных связях. Эта критика формулировалась

посредством художественных приемов, выработанных в поэзии Некрасова, и должна была очистить социокультурное пространство теми же средствами, какими Некрасов стремился экологизировать пространство языка.

В параграфе 3.2, «**Полемическая поэзия Некрасова 1990–2000-х гг.**», анализируется, как изменилась полемическая линия в поэтическом творчестве Некрасова. Во-первых, разница между полемическими и лирическими текстами, которая была отмечена в главе о поэзии 1970–1980-х гг., становится более наглядной, в первую очередь из-за характера полемических текстов, теперь ставших близкими к личным оскорблением.

Во-вторых, доля полемических текстов в творчестве Некрасова значительно увеличивается и сравнивается с долей текстов лирических; в этом отношении показателен, например, состав книги «Живу вижу» (2002).

В-третьих, полемические тексты, на наш взгляд, начинают функционировать несколько иначе, чем аналогичные произведения 1970–1980-х гг. Прагматика поздних полемических стихотворений оказывается схожа с прагматикой статей: Некрасов работает уже не в «пространстве речи», которую он стремится «излечить», но в системе перераспределляемого символического капитала. Фамилии Кабакова, Пригова, Грайса, Бакштейна и многих других героев его поздних статей и стихотворений предстают в качестве лейблов, товарных знаков, произведенных и распространяемых по законам рыночной экономики.

В параграфе 3.3, «**Лирическая поэзия Некрасова 1990–2000-х гг.**», отмечается стремление создавать большие по объему вещи, что было в меньшей степени свойственно Некрасову в предыдущие годы. Кроме того, намного ярче начинает звучать тема памяти. Как нам представляется, это может свидетельствовать о новом характере творческого сознания: в 1990–2000-е гг. Некрасов ощущает себя как реализовавшийся поэт, которому уже не нужно искать свой собственный голос и для этого следить за актуальными новинками литературы. Уже сформированный и отточенный поэтический метод теперь служит для другой цели: писать о интимно важном и личном — детстве,

родителях, молодости.

В **Заключении** подведены основные итоги исследования, представлены его результаты, главный из которых заключается в утверждении pragматического аспекта художественного текста как наиболее важного элемента в творческой позиции Всеволода Некрасова. Выделенные три основных этапа его творчества — 1950–1960-е гг., 1970–1980-е гг. и 1990–2000-е гг. — закономерно взаимосвязаны и складываются в единый процесс творческой эволюции поэта. На протяжении своей творческой биографии Некрасов понимал художественный текст как вербальное действие, а его суть видел в ситуации взаимодействия между автором и воспринимающим.

Вместе с тем были проанализированы и такие черты поэтики Некрасова, как использование лексического повтора, активное обращение к чужому слову в рамках поэтического текста, традиционно предполагающего звучание сугубо индивидуального голоса, акцент на фоническом устройстве текста, графическая организация стихотворных произведений, актуализация внутренней речи как источника речи поэтической.

Подводя итог, следует сказать, что на протяжении всех десятилетий своей творческой биографии Некрасов продолжал играть важную роль в истории русской литературы. Творческие открытия, сделанные Некрасовым, стали достоянием русской поэзии и вдохновили многих авторов — И.А. Ахметьева, Г.Г. Лукомникова, М.А. Сухотина, Е. Зайцев и многих других — на продолжение творческих поисков.

Статьи в рецензируемых научных изданиях по специальности и отрасли наук, определенных Положением о присуждении ученых степеней в Московском Государственном университете имени М.В.Ломоносова:

- 1) *Сапрыкин М.Е.* Прагматика экологии: поэзия Вс. Н. Некрасова и концептуализм // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 326–334. Импакт-фактор 0,423 (РИНЦ). Объем 0,91 а.л. EDN: MVZJWL.

- 2) Сапрыкин М.Е. Внутренняя речь как один из аспектов поэзии Вс.Н. Некрасова // Litera. 2025. № 9. С. 1–8. Импакт-фактор (РИНЦ) 0,333. Объем 0,64 а.л. EDN: SLYXGV.
- 3) Сапрыкин М.Е. Чужое слово в поэзии Вс.Н. Некрасова 1960–1980-х гг. // Litera. 2025. № 9. С. 352–361. Импакт-фактор 0,333 (РИНЦ). Объем 0,74 а.л. EDN: RQXKIT.
- 4) Сапрыкин М.Е. Экология прагматики: поэзия Всеволода Некрасова в диалоге с традицией авангарда // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2025. № 5. С. 184–193. Импакт-фактор 0,288. Объем 0,62 а.л. EDN: UPMBKZ.